

Жорж Роденбах

Мистические лилии (сборник)

Жорж Роденбах

Мистические лилии (сборник)

«Public Domain»

1894

Роденбах Ж.

Мистические лилии (сборник) / Ж. Роденбах — «Public Domain»,
1894

«Монастыри просыпаются рано, с зарею, вырисовываются среди северного тумана, который рассеивается, испаряется, точно бледный ладан. Белые и розовые, они уподобляются ангелам, в городах с высокими башнями вековой Фландрии. Каждый из них составляет самостоятельный мир, на грани тех предместий, где дома редуют и одинокие каналы среди откосов лишены всяких отражений...»

Содержание

Пролог	5
Головные уборы	6
Сумерки в приемной	7
Свечи	11
Мистический сон	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Жорж Роденбах

Мистические лилии (сборник)

Пролог

Монастыри просыпаются рано, с зарею, вырисовываются среди северного тумана, который рассеивается, испаряется, точно бледный ладан. Белые и розовые, они уподобляются ангелам, в городах с высокими башнями вековой Фландрии.

Каждый из них составляет самостоятельный мир, на грани тех предместий, где дома редкуют и одинокие каналы среди откосов лишены всяких отражений...

Средневековый поселок! Сад девственниц! Готический уголок, переживший, если можно так сказать, Мемлинга или Квентина Метциза с его остроконечными крышами в форме митр из поблекших черепиц, оттенка древних покрывал, с большою широкою лужайкою и, над всем этим, – с фламандским небом, которое всегда кажется небом с картины...

Ах, как там чувствуешь себя далеким от всего, далеким от самого себя! Какой-то ягненок пасется на лужайке... Не есть ли это пасхальный Агнец? Головной убор монахини показался за отсвечивающими стеклами маленькой кельи, переходя от окна к окну... Не есть ли это полет тканей по пути к небу? А волнообразный дым, поднимающийся над тихими жилищами? Кажется, можно в нем угадать какой-нибудь текст, стирающуюся надпись, листок молитвы, говорящий свиток, точно филактерии на триптихах, в устах святых...

И какая тишина, ничем не нарушаемая, единодушная!..

Доносятся только слабые звуки, почти сливающиеся с безмолвием. Тихий, прерывистый колокольный звон, который раздаётся для того, чтобы внушить впечатление воскресного дня... Колокол – голос воскресенья! Он придает буднему дню воскресный оттенок.

Божественный покой монастырей! Восхитительная простота бегинок, тихих душ, поданных Бога, цветов, едва напоминающих женщин, лилий, скрытых под головными уборами, лилий, которые не прядут!.. О, мои сестры, мои истинные сестры, которых я избрал; ах! как отраднo говорить им: «моя сестра»! Если б я мог проникнуть в их душу, если б моя мечта увлекла их, и я стал бы для них вторым ангелом-хранителем!

Головные уборы

Что создает необъяснимое очарование бегинкам, в отличие от других монахинь, это, может быть, специальный, установленный для них, более скромный головной убор. В других орденах головные уборы отличаются напыщенным характером, широко разворачиваются, точно полет птиц. У бегинок уборы кажутся молчаливыми птичками, которые немного быют крыльями, тихо размахивая ими. Спокойные, они довольны и тем, что берегут в плену волосы.

Скромные, прямые головные уборы распространяются до конца шеи. Как удастся примитивным бегинкам с такою ловкостью рассчитать расстояние, складки, расположить верно полотно, настолько сильно накрахмаленное, что нельзя ошибиться, переделать в другой раз, сложить его в окончательном виде, – под страхом пожертвовать этою с самого начала смятою тканью. Но их пальцы очень опытные и правильно скалывают булавками промежутки.

Головные уборы, совсем оконченные, поэтому не имеют больше вида простого четырехугольника из полотна, который снова легко расправить; можно было бы подумать, что эта форма нераздельна с ними, составляет одно существо. Точно они родились так!

Эти головные уборы с их правильным колебанием справа налево придают красоту бегинкам и вполне достаточны для того, чтобы сообщить их походке раскачивающееся движение.

Хорошее впечатление они производят, в особенности, своею покоряющей всех белизною. Эта белизна захватывает.

Даже лицо бегинок поддается ей, перестает быть румяным, бледнеет. Оно уподобляется головным уборам, которые являются только продолжением его; так и луна сливается с очертанием своего круга.

Доброе влияние головные уборы оказывают и на их душу. Они обесцвечивают в ней тщетные звуки мира, тесно примыкая к ушам, затуманивают слух, – правильно привязанные, совсем герметически закрывающиеся, точно фермуары девственности. Бегинки, столь же скрытые, почти не слышат жизни. Они слушают только тихое движение, точно дыхание, этой птички со сложенными крылышками, которая образует их головной убор и белизна которой заставляет их иногда думать, что это св. Дух в виде голубя спустился на головку каждой из них.

Сумерки в приемной

Часто в зимние вечера бегинки навещают друг друга под предлогом узнать о какой-нибудь службе или проповеди, посоветоваться насчет рисунка кружева, но на самом деле, чтобы вместе посидеть за небольшой любимой трапезой: они пьют кофе, едят тартинки из свежего хлеба, даже пирожки, а иногда случается, что к этому прибавляется маленький стаканчик вина, налитого из древнего кувшина, носящего на себе подлинный отпечаток голландского происхождения.

Сестра Пульхерия любила больше всех принимать таким образом некоторых своих подруг по обители. Проходя мимо окон с кисейными занавесками ее маленькой кельи, можно было часто видеть в сумерки несколько черных силуэтов, сидевших возле слабенького огонька, на котором стоял горячий кофе. Снаружи казался даже странным этот слабенький, колеблющийся огонек, свет в форме сердца, точно это было сердце дома.

Приглашенные бегинки сидели долго, привлекаемые нежным теплом камина, угли которого временами вспыхивали, освещая во мраке их лица, спокойные, как на портретах.

От этого огня было довольно светло; не надо было зажигать лампы, они сидели до позднего часа в эти нежные сумерки, причем наступающий мрак влиял и на их слова.

Сестра Пульхерия, очень разговорчивая, пользовавшаяся репутацией хорошей рассказчицы, любившая, чтобы ее слушали, тоже поддавалась впечатлению мрака. Она была точно охвачена темнотою, и ее душа омрачалась. Окончились веселые истории, шалости пансионеров, смеющихся над какой-нибудь отсутствующей монахиней или над священником из общины. Вечер влил свой яд в нее и в других сестер, иногда еще беззаботных и смеявшихся. Среди них как бы расстилались траурные мысли, боязливые образы, креповые цветы.

Слова становились реже, каждая пауза между ними пугала, как пустота между ударами колокола. Сестра Пульхерия рассказывала теперь только о мрачных впечатлениях, предчувствиях, закрадывавшихся в ее душу перед каждым несчастьем, о подтверждении ее предчувствий, иногда даже снов.

Другие монахини в такие сумерки слушали, немного испуганные, ощущая приятный страх детей, которым рассказывают о путешествиях маленьких королей, потерявшихся в темном лесу...

Однажды в конце декабря было большое оживление за трапезой в келье сестры Пульхерии. Собралось много бегенок, так что пришлось взять лишние стулья и подлить кипятку в кофейник. Причиной этому послужило представление сестре Пульхерии двух послушниц, недавно поступивших в обитель. Несколько старых монахинь сопровождали их. Поэтому устроилось целое празднество с пирожками и маслянистым вином.

Сестра Пульхерия, очень польщенная этим приходом, в котором чувствовалось общее уважение к ней, вдохновленная этою исключительною и многочисленною аудиторией, начала снова, точно по четкам, свои обычные рассказы. Она навела разговор на суеверные мысли – одну из ее любимых тем, – на панический страх, приходящий с той стороны жизни, тревогу которого она любила возбуждать.

Она чувствовала как бы страсть создавать ужас, подобно тому, как дети играют с огнем. Все находившиеся там бегинки были охвачены ее суеверным страхом, даже усиливали его.

Сестра Мария рассказывала о своем всегда подтверждавшемся страхе встретить похоронное шествие, не имея возможности, как можно скорей прикоснуться к какому-нибудь железному или медному предмету, например, к ключам К счастью, у нее висит на груди небольшое медное распятие, до которого она скорее дотрагивается рукою, чтобы отдалить от себя дурную судьбу.

Сестра Корнелия напоминала, что увидеть утром паука – признак близкого огорчения. Это необыкновенное предупреждение никогда ее не обманывало. В такие зори, которые должны поблекнуть от дурной новости, чувствуется непонятное беспокойство. Точно надвигается гроза. Это напоминает сад в монастырской ограде перед грозой. Разве сад тоже имеет свои предчувствия? Листья на тополях трепещут, и эта дрожь передается от одного к другому... Наша душа тоже кажется садом, который дрожит в такие утра. Она чувствует раньше нас катастрофу...

После слов сестры Корнелии все монахини желали вмешаться, рассказать свои чувства в области суеверных мыслей, указать какой-нибудь факт, подробности беспокойства, за которым последовало несчастное событие. Каждая бегинка, осмелившись, старалась присоединить, вставить свое доказательство, как лишнюю катушку в это черное кружево Страха, которое они сплетали все вместе в сумерки.

– А зеркала? – произнесла вдруг сестра Годелива своим чудным, точно фисгармония, голосом, который пел на клиросе в воскресенье, во время службы, – твердым, приятным, звучным, сливавшимся с фисгармонией настолько, что иногда, когда они чередовались, нельзя было различить, исполняла ли гимны фисгармония или женский голос... Сестра Годелива из-за ее исключительного голоса и ее мыслей, не похожих на мысли остальных монахинь, пользовалась уважением в общине. Она умела различать музыку. Она должна была уметь различать и судьбу!..

Поэтому, когда она прервала единодушную беседу, все замолчали.

– Зеркала внушают страх, – продолжала сестра Годелива. – Разбитое зеркало обозначает смерть, разрушение или еще худшие события. Когда я была еще ребенком, в доме моих родителей каждый раз, когда разбивалось зеркало, кто-нибудь умирал через некоторое время. Это происходило оттого, что зеркала имеют душу, а когда разбивают их лишают таким образом души, изгоняют их душу, – то нужно, чтобы какая-нибудь душа этого дома явилась отплатой. Чего только нет в зеркалах! Когда разбивают их, можно найти тысячи отражений, образов в каждом обломке. Самый маленький кусочек зеркала полон всевозможных вещей.

Ничто не пропадает в них. Прежние, отразившиеся в них лица остаются. Мертвые находятся на глубине... Иногда и сам сатана живет в них.

Эти слова Годеливы, точно медленная мелодия, исполненная ее гармоническим голосом, произвели впечатление на всех монахинь. Долгое время, испуганные этой тайной вещью, которую они внезапно почувствовали почти физически, точно к ним прикоснулась судьба, они молчали, не смея двигаться на своих стульях, отведать хороший кофе, остывавший в их чашках...

Сестра Пульхерия воспользовалась молчанием, чтобы вмешаться в разговор. Она высказала мнение, что существуют более ясные, более частные предупреждения, чем пауки, похороны, зеркала. Более субъективное предзнаменование! У нее есть доказательство, – один эпизод из ее жизни, который она часто рассказывала, искусно усиливал ужас, внося волнение, которое много раз возобновлялось и все же было не менее искренно и заразительно.

Сестра Пульхерия начала свою излюбленную историю.

Это было давно... Ей исполнилось тогда пятнадцать лет, она была пансионеркой в урсулинском монастыре, в маленьком городке, находившемся недалеко от того города, где жили ее родители. Она проводила у них обыкновенно каникулы.

Однажды, в конце сентября, накануне ее возвращения в монастырь, ее отец повел ее в поле; он обещал ей провести с ней все послеобеденное время, гулять в поле и закончить прогулку ужином в кабачке предместья, где подавали ее любимую рыбу и вафли. Все подробности остались у нее к памяти, точно это было вчера. Чудный день! Ее отец был весел, нежен с ней.

Деревья осенью казались золотыми. Заход солнца был красив, совсем красный в глубине неба. Быстро темнело в эти короткие дни. Чтобы вернуться в город, они направились в

небольшое селение, где проходила железная дорога, которая должна была привезти их через несколько минут.

Было темно. Она взяла отца под руку, уже достаточно высокая, чтобы не стараться подниматься к известной высоте.

Она гордилась, чувствуя себя почти маленькою женщиною. Вдруг, в конце пути, в темноте, они заметили небольшой, но живой, яркий, двигавшийся огонек. Затем показался другой. Она подумала сначала, что это – фонари кареты.

Но огоньки слишком расходились, тихо двигаясь. Затем вдруг показались еще огни, десятки огней, увеличивавшихся, двигавшихся отдельно, точно танец блуждающих огней на далекой, вечером безмолвной воде.

Это было фантастично. Ее охватил невольный страх. Она крепче прижалась к руке отца. Они продолжали идти на встречу огням. Те теперь приближались. Это было точно шествие кающихся, от которых виднелись только свечи, так как их черные одежды, оттенка ночи, сливались с ней.

Эти огоньки, точно звезды, приводили к массе, темной, более мрачной, чем самая ночь, – которая быстро вырисовывалась. Это была деревенская церковь, стоявшая очень высоко над скоплением домов. Они поняли тогда, что эти огни были светильниками из процессии, в руках мальчиков из хора, прихожан, сопровождавших Св. Дары. Они ходили производить соборование, носили предсмертное причастие какому-то умирающему, исполнив по всем правилам этот обычай, всегда наблюдаемый в фламандских деревнях. Теперь процессия возвращалась в церковь, рассеиваясь по могилам, неровному, окружающему церковь кладбищу...

Это печальное появление было наверное предувещанием судьбы, признаком другого близкого предсмертного помазания! Сестра Пульхерия не обратила на это внимания, так как была очень молода. Она помнила только, что ее отец с этой минуты сделался молчаливым, задумчивым во все остальное время прогулки и вечера, пока она не рассталась с ним перед сном. Может быть, он понял и в эту минуту подумал о смерти, о своей смерти!..

Во всяком случае это была последняя прогулка, которую они совершили вместе. Почти в последний раз тогда она видела его; спустя месяц он скончался, проболев два дня.

Она едва успела приехать вовремя, чтобы застать его умирающим на постели, совсем изменившимся, с неясным взором, смотревшим уже по ту сторону жизни...

Сестра Пульхерия закончила свой рассказ голосом, точно омоченным слезами. Несмотря на то, что она часто рассказывала об этом, и несмотря на такой долгий промежуток времени, она снова почувствовала детскую нежность, взволновалась от вызванного воспоминания, внимательного молчания монахинь, соответствия наступающего вечера, налагавшего точно черные покровы на ее слова.

Возле нее многие бегинки плакали, думая об отцах и матерях, которые тоже умерли.

Другие встали, под предлогом, что их ждут, быстро ушли, – в действительности, слишком взволнованные, чтобы оставаться дольше, боясь этих трагических историй, которые, разумеется, в ближайшую ночь вызовут кошмары, сны, где они увидят себя входящими в часовню и принужденными дотронуться до мертвеца, ледяной холод которого заставит их вскочить с постели.

После ухода некоторых монахинь разговор возобновился.

Одна бегинка, сестра Варнавия, не принадлежавшая к обычным посетительницам этой общины, пришедшая в этот день случайно, слушала в первый раз рассказ сестры Пульхерии и отнеслась немного недоверчиво. Розовая, полная, жизнерадостная, она не почувствовала общего страха и спокойным голосом возразила:

– Вы, право, очень суеверны, сестра Пульхерия. Даже, если все это и правда, не думаете ли вы, что это скорее дело демона, который бродит вокруг нас и хочет нас смутить?

Сестра Пульхерия воскликнула:

– Нет! Это Бог предупреждает нас. Надо уметь слушать, надо уметь понимать Бога. Это происходит от доброты и милосердия Бога, желающего подготовить нас к несчастной или доброй смерти. Он не может и не хочет Сам предупредить нас, потому что мы недостойны чуда. Но предметы помогают Ему. Он руководит ими. Они являются Его соучастниками, слугами, и во имя Его они говорят с нами...

Сестра Варнавия не казалась убежденной и произнесла:

– Суеверие все же грех!

– Пускай, – отвечала сестра Пульхерия, – но что такое суеверие? Разве страх можно назвать суеверным, когда тринадцать садятся за стол? Наш Спаситель своим примером доказал, что это число приносит смерть... Не нужно ли самим понимать этот признак, когда случай показывает его?

Эти слова не вызвали возражения. Сестра Варнавия не настаивала. Наступило долгое молчанье. Они не заметили, что в комнате стало совсем темно, так как уголья в камине погасли.

Бегинки мало-помалу затихли, охваченные беспокойством, ужасом от этих сверхъестественных соотношений между предметами, от ощущения тайны и всего невидимого, разлитого кругом, выраженного устами безмолвия.

Одна только сестра Мария попробовала вставить: «Нас было много сегодня. Сколько было всех?» Ни одна не ответила. Однако все подумали об этом; все думали одно и то же в течение долгого времени, с той минуты, когда сестра Пульхерия вызвала в памяти погибель от дурной цифры, предсказание смерти тем, кто находится в числе тринадцати.

Что если за едой их было тринадцать? Может быть, их было тринадцать? Каждая мысленно считала, называла по именам присутствовавших монахинь: сестра Пульхерия, сестра Годелива, сестра Моника, сестра Корнелия, сестра Мария; затем – две послушницы, затем те, которые ушли раньше.

Но число сбивалось: получалось то двенадцать, то четырнадцать, наконец, – тринадцать. Кого они забыли? Кого сочли два раза? Как узнать? Как лукавый демон играл с ними, скрывал истину! Ни одна не осмелилась прервать молчание, громко произнести вопрос, – как ни одна не осмелилась попросить сестру Пульхерию, наконец, зажечь лампу, успокоить их светом.

К счастью, показалась луна, освещающая комнату, удаляя темноту по углам, очищая тюлевые занавески на окнах, казавшиеся дорогами из цветов по прямой линии к луне.

Вдруг сестра Годелива воскликнула: «Взгляните на луну! Какая она странная! Точно голова умершего...» На небе, решительно, в этот вечер были заметны какие-то признаки; в комнате были разлиты в воздухе предчувствия. Напрасно было столько толковать о зеркалах, похоронах, пауках, о всех вестниках Несчастья...

Отныне бегинки, точно их было тринадцать на самом деле, оставались серьезными, неподвижными, боясь умереть, ничего не говоря, как бы чувствуя невозможность бороться своими голосами с мраком...

Свечи

Бегинки любят восковые свечи, красивое, полное церковное освещение во время служб.

В праздники им приносят восторженную радость многочисленные свечи в церкви, точно геометрическое расположение звезд. Они создают колебание, нежное трепетание в их глазах, в которых свет переливается ровными гранями.

В течение мая, месяца св. Девы Марии, они восторгаются многочисленными свечами, благодаря бесконечным пожертвованиям; свечами, точно из мрамора, постепенное угасание которых отличается тихим характером.

Затем какое волнение ощущают они один раз в году, когда они получают возможность видеть пасхальную свечу, украшенную голубою краскою и золотом, точно татуированную или как бы расшитую золотом столь тонко, что ее горящий кончик кажется вдруг окровавленным. Можно было бы подумать, что это Копье, нанесшее Рану в ребро. А кругом, в церкви, небольшие свечи, тоже истекающие кровью, точно Раны на ногах и руках, точно красные капли на челе, уязвленном терновником. Божественные капли, которыми глаза бегинки утоляют свою жажду!

Таким образом, свечи всегда порождают собою идеи об очищении, искуплении. Они соглашаются страдать. Бог принимает их жертву, как искупление грехов. Вот почему во всех церквях воздвигнут светильник из кованого железа, Голгофа, где беспрестанно совершается символическое страдание свечей.

Бегинки, в особенности, любят зажигать эти искупительные свечи. Они ставят их в церкви своей общины, затем они направляются иногда далеко, в какой-нибудь отдаленный приход, чтобы найти там свечи по своему выбору. Они ищут долго в ящиках, где свечи ждут своей очереди пострадать. Существуют свечи всякой длины, всех цветов: белые, похожие на очищенные от кожи тростники, сердцевина которых обнажена; другие синеватые, третьи голубые, точно поддавшиеся влиянию глаз, устремленных на них и колебавшихся при выборе.

Бегинки почерпают в этих благочестивых жертвах детское удовольствие, не без тайного страха – только возбуждающего их радость – увидеть, как их свеча с трудом разгорается, дурно горит, представляет собою пламя, которое бездействует, едва не угасает, опускается горизонтально и почти достигает небытия. Но какая радость, если пламя поднимается, усиливается, закругляется в форме сердца! Эти беспокойные ожидания полны приятной тревоги, суеверного представления о маленьких, как бы нерешительных свечах, при помощи которых бегинки хотят узнать, угодны ли они Богу в этот день.

Мистический сон

Был канун Рождества. Полночная служба только что кончилась. В стенах монастыря цветные окна перестали наполнять образами темноту; орган замолкал, ночное безмолвие поглотило последние, как бы засыпавшие звуки колокола. Монахини, спеша, вышли из церкви и при резком ветре, срывавшем у них головной убор, молчаливо расходились по своим келиям, – напоминая торопливые движения лебедей, боящихся, как бы не остаться на замерзающем пруду и не стать пленниками своих крыльев, если бы эти крылья вдруг приросли ко льду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.